

Во сне она всё еще была бесприютной душой, скитающейся без могилы и надгробия рядом с Гу Циню.

Неизвестно, было ли это игрой воображения или он действительно перешел все границы, но нынешний Гу Цин казался еще более безумным, чем прежде.

Его лицо становилось всё бледнее, обретая болезненную, порочную красоту. Шэнь Аньгэ смотрела, как он, нахмурившись, небрежно развалился в массивном кресле рядом с тронном — без всякого почтения к правилам.

Она видела, как он казнил наставника императора, министра военного ведомства, градоначальника, как разорил клан канцлера Сюэ, и, казалось, всё еще был чем-то недоволен.

А потом он начал убивать всех подряд — и тех, кто был ему неуютен, и тех, кто просто попался под руку, заливая город реками крови.

Десятилетний император, дрожа от страха, тихо звал его: — Дядя-император... — но Гу Цин, раздраженный этим звуком, просто поднялся, схватил мальчишку за шиворот и швырнул в сторону.

Шэнь Аньгэ не понимала: раньше, пока она была жива, он хоть и был жесток и своенравен, но в его действиях прослеживалась хоть какая-то логика. Теперь же в Гу Цине осталось лишь стремление к разрушению. Он с таким трудом взобрался на вершину власти, но теперь она была ему совершенно не нужна.

И даже так он не был счастлив.

Хотя на его губах всегда играла едва заметная усмешка, пока он с живым интересом наблюдал за брызгами крови в тронном зале, Шэнь Аньгэ видела — он не счастлив.

После утреннего доклада, на полпути к дворцу, он махнул рукой, и паланкин свернул в сторону тюрем.

Он мучил семью Чжоу, мучил её дядю. С дядей еще понятно — она надеялась на его помощь, но он сам её предал, так что поделом ему. Но зачем терзать семью Чжоу?

Неужели только потому, что в тот день он услышал о Чжоу Цзине?

Господин Чжоу поначалу держался стойко, грозил, что Чжоу Цзин придет с армией и убьет его, но потом начал молить о пощаде. Гу Цин лишь рассмеялся: в мире и так полно желающих его убить, одним больше, одним меньше — какая разница.

Неизвестно, как господин Чжоу догадался о мыслях Гу Цина, но вдруг начал в подробностях рассказывать о том, как они с Чжоу Цзинем росли вместе. Лицо Гу Цина помрачнело, он сжал тонкие губы, словно что-то почувствовал, и его взгляд внезапно пронзил то место, где парила душа Шэнь Аньгэ.

Зная, что он не может её видеть, Шэнь Аньгэ всё равно вздрогнула от ужаса.

В тот же миг она проснулась, хватая ртом воздух. Лоб был покрыт холодным потом.

Шэнь Аньгэ смотрела в узорчатый полог кровати, тяжело дыша, словно ей не хватало кислорода. Брови были сдвинуты — она злилась на саму себя за вчерашнюю слабость.

Как бы жалко он сейчас ни выглядел, это не отменяет того, что в будущем он станет кровавым тираном.

Жалеть его? А кто пожалел её в прошлой жизни, когда она скиталась неприкаянным призраком?

Она надеялась обрести покой в земле, но он похитил её тело и спрятал в ледяной камере, лишив её возможности переродиться и воссоединиться с родителями.

А еще он постоянно её пугал, так что душа уходила в пятки — того и гляди, умрешь раньше времени.

Вспоминая всё это, Шэнь Аньгэ перевернулась на бок, обняла подушку и с яростью сжала её, пытаясь выместить гнев.

— Нужно найти способ избавиться от этого наваждения и выпустить пар.

Шэнь Аньгэ приняла решение.

Её кошмары были порождены им. Если не устранить эту занозу в сердце, она так и будет дрожать от страха, боясь повторения судьбы прошлой жизни. Это станет её навязчивой идеей, не дающей покоя ни днем, ни ночью.

За окном брезжил рассвет, свечи догорали.

Ворочаясь с боку на бок, она поняла, что сна ни в одном глазу, и села, накинув одежду.

Отец говорил: за добро плати добром, за зло — злом, но нельзя действовать безрассудно, всё должно быть обосновано. Что ж, раз так, она составит список его преступлений, тогда и

возразить будет нечего.

Она взяла кисть из лучшего фиолетового меха, лист бумаги и, немного подумав, начала писать.

Гу Цин пугал её днем, обижал ночью, заставлял смотреть на фонари из человеческой кожи.

В дождливые дни он кусался, оставляя её всю в синяках и ссадинах.

Но... с самого первого дня он ни в чем не ущемлял её в быту: еда, одежда, жилье — всё было лучшего качества. У неё было то, что имелось во дворце, и даже то, чего там не было.

Гу Цин убил императора, истребил семью дяди, отправил в ссылку родню Шэнь.

Но император был бездарен, дядя — подл, отец так хорошо к нему относился, а он предал его, преподнес её Гу Цину как подарок. Жадный, алчный, он в итоге погиб из-за собственной алчности. У неё нет причин искать справедливости для такого человека.

Гу Цин жесток по натуре, и если такой человек правит страной, народ должен страдать... Но, если призадуматься, после того как Гу Цин стал регентом, жизнь людей в Южной династии стала спокойнее, торговцам больше не нужно было каждый день бояться поборов.

Раньше чиновники, пользуясь властью, притесняли простой народ.

Шэнь Аньгэ долго взвешивала всё «за» и «против», замерла с кистью в руке, и на бумаге расплылось чернильное пятно.

Написав несколько пунктов, она вдруг осознала: человек, который когда-то казался ей абсолютным злодеем, заслуживающим смерти, относился к ней не так уж ужасно. Если не считать опытов с лекарствами, он даже какое-то время оберегал её, даруя покой.

Да и те лекарства... теперь, когда она подумала об этом, её прежде слабое тело день ото дня становилось крепче. Вероятно, это и не яды были вовсе.

Если говорить о ненависти — она покачала головой, — он не заслуживает смерти. Если об обиде — она кивнула, — да, обида сильна, и её не так-то просто забыть.

Она вспомнила, как в прошлой жизни он прямо при ней спросил, что делать с теми, кто хотел её убить.

Она, сидя в объятиях Гу Цина, покачала головой.

Тогда он лишь усмехнулся: — Ты и правда святая, с сердцем бодхисаттвы. Но в этом мире святым быть трудно, и живут они недолго. Уж лучше быть таким злодеем, как я — свободным и беспечным.

Шэнь Аньгэ подумала, что, возможно, он был прав. Даже в том положении она не хотела, чтобы кто-то умирал у неё на глазах.

Даже сейчас она не желала никому смерти, пусть даже нынешний Гу Цин — всего лишь сломленный, жалкий юноша.

Постепенно рассветный свет просочился в окно, свеча догорела до конца и с тихим треском погасла.

Поколебавшись, она хлопнула кистью по столу, разбрызгав капли туши.

Надув губы, она подумала: как бы там ни было, остальное можно простить. Родителей не вернуть, о собственной жизни и смерти она уже не беспокоится, но то, что он не дал ей умереть достойно, и то, что даже после смерти не оставлял её в покое — это правда.

Эту низость ничем не оправдать.

Дверь отворилась.

— Госпожа, почему вы уже встали?

Юнь Чжи отодвинула занавеску, поспешно поставила поднос с чаем на стол и накинула на неё теплую накидку, ворча: — Ваше здоровье и так слабое, так ведь и простудиться недолго!

— Ничего страшного, это даже помогает взбодриться.

Еще до того, как служанка вошла, Шэнь Аньгэ успела спрятать лист бумаги под книгу, хотя Юнь Чжи всё равно не умела читать.

Вскоре вошли три или четыре служанки с тазами для умывания, чтобы помочь Шэнь Аньгэ привести себя в порядок.

Юнь Чжи поднесла поднос с платьями.

— Госпожа, эти два наряда сшиты недавно. Какой вы хотите надеть сегодня?

Шэнь Аньгэ, погруженная в свои мысли, рассеянно бросила: — Красное...

Но тут же опомнилась, глядя на платье.

В тот день, когда она впервые увидела Гу Цина, на ней было красное...

Юнь Чжи уже собиралась унести другое платье, но Шэнь Аньгэ остановила её: — Постой, я надену светло-зеленое...

Юнь Чжи заметила, что у госпожи неважный вид.

— Госпожа, вы плохо выглядите, опять кошмары снились? — Юнь Чжи помогала ей одеться и затянуть пояс. Сколько бы раз она ни помогала, тонкая талия госпожи каждый раз заставляла её, женщину, краснеть.

Из-за недосыпа Шэнь Аньгэ зевнула и равнодушно ответила: — Это не кошмар, а мелкий пакостник. Не знаю, как его проучить, вот и маюсь.

— Разве это сложно?

Юнь Чжи, поправляя ей рукава, прошептала: — У нас в таких случаях вырезают бумажного человечка, пишут на нем дату рождения обидчика, топчут ногами, а потом выбрасывают за дверь. Госпожа, не печальтесь, я сейчас же вырежу вам такого человечка.

Шэнь Аньгэ осенило: — Топтать?

— А это неплохая идея. Юнь Чжи, не нужно ничего вырезать, я сама справлюсь.

Он сейчас не регент, не во дворце, а она — дочь генерала. Воспользоваться своим положением, чтобы припугнуть его, должно быть легко.

Через некоторое время Шэнь Аньгэ покачала головой и поджала губы: если отец узнает, что она пользуется своим статусом, чтобы обижать других, её заставят переписывать семейные правила. А если не использовать людей из поместья... то можно нанять кого-то другого.

Раз уж нужно выпустить пар, к чему соблюдать приличия и мораль?

Подумав, она решила, что лучше всего просто задать ему хорошую трепку: натянуть мешок на голову, поколотить и уйти. С этого момента — каждый своей дорогой, и счета будут сведены.

От этой мысли на душе стало легче.

Она улыbnулась и распорядилась: — Юнь Чжи, через некоторое время я напишу письмо,

доставь его в дом Чжао и передай лично в руки барышне Чжао.

Юнь Чжи, видя, что настроение госпожи внезапно улучшилось, в недоумении склонилась в поклоне.

Когда служанки ушли, Шэнь Аньгэ взяла кисть, тушь и бумагу, размашисто написала несколько строк, сложила письмо и передала Юнь Чжи.

<http://bllate.org/book/18485/1773599>